

МАРИНА ИВАНОВА

Я -
ЖИВОЙ!

роман

18+

Марина Иванова

Я – живой!

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иванова М. И.

Я – живой! / М. И. Иванова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Малоизвестные 20 – е годы прошлого столетия. Какие они? Есть возможность узнать. Реальная история, рассказанная дочерью героя. Захватывающий сюжет никого не оставит равнодушным. Пороки и добродетель во все времена были одинаковыми, к сожалению. Роман начинается с того, как Афанасий Шаталов, тринадцатилетний мальчишка, на чердаке курит с друзьями махорку втайне от отца. Неудачно брошенный окурок приводит к трагедии, дом полностью сгорает. Отец избивает сына до полусмерти, местная знахарка отпаивает его травами, он выживает, уходит из села Орловской губернии в южном направлении. С приключениями пытается попасть в Краснодар. Случайное крушение поезда знакомит его с Волковым, комиссаром революционного совета, другом Буденного. Он помогает молодому комсомольцу стать вожаком на хуторе. Великая Отечественная война меняет планы. Афанасий в штрафбате. Ад продолжается после победы, потому что враг всегда рядом. Кто же он? Ордена получают убийцы! Так было, нужно помнить, чтобы не было.

© Иванова М. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ПОЖАР	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ПОЖАР

Глава 1

Осень в Орловской губернии горела, опаляя всех ярко – красным дыханием. Лимоно – мимозный оттенок перемешивался с багровым, добавляя немного салатового. Ни один художник не придумал бы палитру более яркую, чем Создатель. Зелень озимых раскинулась за Старополисской деревней до самого леса. Благо здесь его было предостаточно. Строили дома неподалеку из подручных средств. Экологией беспокоились со времен Екатерины II. Она любила ночевать здесь по пути из Крыма. Воздух волшебный. Отсюда люди были смелыми как ветер, играющий с верхушками берез и елей. Работы никакой не боялись уже сызмальства. Афанасий Шаталов, тринадцати лет отроду, сам лично помогал отцу строить добротный деревянный дом. На всю округу виден он был издалека. Такой сруб сделали из лучших пород древесины. Ох, и намял он тогда бока, когда восьмилетним пацаном таскал из леса упавшее дерево. Как говорили в деревне, – лесоповал не заменит лесопадаль. Такие ветра бушевали, что с корнем здоровое дерево вытаскивали. Тем более дозволено указом самого генерал – полковника губернатора очищать лес от падали. На вечерней литургии каждый молился о том, что хотел бы поймать.

Отец Афанасия, – Шаповалов Сергей Трофимович просил, чтобы побольше деревьев падало. На строящийся дом не хватало совсем немного, как он говорил, – трошки. Но вот, наконец, крыша соломой накрыта. Загляденье, а не дом! Старший сын Афонька хоть и грамотный, четыре класса церковно – приходской школы, но рукастый. Одно другому не мешает. Мозги рукам в помощь. Не знал отец, что шалопай старший курить начал. Сначала из осенних листьев самокрутки крутил, затем настоящей махоркой баловался, а после листьями заедал, чтобы запах не учуяли. После Афанасия еще два сына у Сергея Трофимовича были, те мальцы совсем. Не хотела жена в голод рожать. Еле выкарабкались. После революции уже наплодились, помощнички. Отца надежда. Но строг был только со старшим. Младших баловал. Видно осознанно стал отцом. Не так как с первенцем. Хорошо хоть писарем его пристроил, жалованье какое – никакое получать будет. Почерк очень уж ладный. Всем на загляденье. Но это не спасает. По вечерам порка профилактическая. Мать платок зубами сцепит, глаза зажмурит, плачет, сына жалко. Афанасий тоже плачет, но только молчком, стыдно ведь. Уже тринадцать стукнуло. Мужик ведь, а не безмозглая баба. Не поймешь только за что наказывают? Обидно. Было бы за дело. А так коровы надоены, свиньи накормлены, у овец почищено. За что же опять? Пьяный отец пришел с поселкового собрания. Вечно заканчивают дискуссии бутылью самогона. Отмечают активную сдачу продналога, что помогли голодающему Поволжью. Конечно, нагрянули полторы тысячи активистов, сев помогли организовать, складские помещения создать. Да еще местным на договорных началах скотину в пользование дали. Работы только прибавилось. Одна радость, пацаны должны махорки крепкой принести. Куда бы спрятаться, чтобы не попасться. Дождаться бы только, когда опять уйдет. Вон в погреб полез, соленья на закуску берет, бутылку заодно прихватит, видно не договорили на собрании. Пошел качаясь, может уснет сегодня без профилактического наказания.

Афанасий запрокинул чернявый чуб, отец не разрешает стричь, чтобы за что было хватать, по двору потаскать, нацепил кепку и три раза свистнул. Тут же из – за калитки выглянул один глаз соседского мальчишки, второго не было, выбили рогаткой, когда воробьев стреляли. Сосед подмигнул одним глазом, брякнул мешочком льняным, сам его сшил, да еще стянул веревкой. Настоящий кисет получился, махнул кому – то рукой, бегом на полусогнутых прыскал под окнами к лестнице, ведущей на чердак. Таким же образом еще два сорванца преодолели расстояние от калитки до чердака, выглядывали из окошка на крыше, радостно под-

зывая Афанасия. Он выглянул за ворота, убедился, не забыл ли отец чего – нибудь дома и тоже отправился к друзьям. Мать в центральную баню ушла, братьев мыть. Ведь пятница – неделя чистой задницы. Выходные нужно встречать в стирanom.

Поход в баню это была настоящая русская традиция. Именно в общественную, центральную. Где собирается вся деревня. Туда идут, как на праздник. С красивыми сумками, в которых лежат полотенца беленые, обязательно их кладут сверху, чтобы показать, какая хозяйка. У некоторых они накрахмаленные, у некоторых насиненные, некоторые на клею выпаривают. А мыло! У всех сваренное по – собственному рецепту. Кто на розовых лепестках, кто на чабреце, кто на мяте. В общем, баня – это триумф тщеславия. Здесь собирается весь цвет бабский. Хотя у каждого во дворе своя баня есть. Но общественная – это находка новой власти. Своего рода служба безопасности. Все сплетни собраны в одно ухо, которое без бумаги все записывает, доносит кому нужно. Конечно, этот агент – билетерша. Очереди специально создает, чтобы народ сидел долго, разговоры завязывались тематические, ругань была нешуточная.

Детвора тоже любила ходить в общую баню. Они запах ржавых труб и пара принимали за наркотики. Потому что у них там поднималось настроение, они придумывали новые бесовские игры. Родители так и говорили: «Хватит беситься! Успокойтесь! Сядьте рядом». Но эти угрозы несколько детей не смущали, они знали средство гипнотического успокоения взрослых, – прижимались к мамкам на секунду, пока те не продолжат диспут. Услышав первые звуки споров, дети тут же убегали в другой угол, начинали бесовские игры вновь.

Афанасий вырос из детских развлечений, считал себя взрослым. На чердаке, закатив глаза, глотал дым, хватавший за горло, наслаждался смогом. Пару раз кашлянул, но он же мужик, не то что эти двенадцатилетние пацаны – соседи. Даже сплюнул, как отец, в жесткую солому, которая сушилась на чердаке. Или это было продолжение крыши? Теперь уже неизвестно. Неожиданно во дворе залаяла собака. Афанасий вздрогнул, прикрыл ладошкой рот, одноглазый прижался к щели в крыше, успокоил, что на курицу пес набросился. Все вздохнули, но решили пора уходить, пока их здесь не застукали. Да и Афанасию нужно бежать в баню, мамке помочь младших братьев с полотенцем на голове домой доставить.

Они выскочили по – быстрому из своего убежища, шустрее, чем забирались и не заметили, как одноглазый не до конца затушил сигарету. Она мягко легла на солому, издавая струю коварного дыма.

Огонь полыхнул в то время, когда Афанасий в бане докладывал маме, что все в порядке, он не видел, как оранжевые языки слизывали крышу, сжирая все вокруг. Пожар выхватывал все больше и больше соломы с чердака. Жар распространялся так быстро, будто спичка зажглась и потухла. Дом трещал в костре, освещая темное небо, как факел. Хруст был такой будто огромный великан проглатывал на ужин добротный деревянный сруб. Стекла вдребезги разлетались в стороны, перины, подушки, сундуки пошли на закуску. Дым черным облаком окутывал фундамент, ненасытный пожар доедал последние остатки дома. Двое соседей прибежали с ведрами. Но тушить было уже нечего. Крики односельчан, бежавших из общественной бани, дошли до поселкового сборища мужчин. Отец шатаясь бежал навстречу Афанасия. Он не стал разбирать профилактика это или злобный выброс адреналина, вырвал доску из штакетника вместе с ржавым гвоздем и рвал спину сына на мелкие куски мяса. Он его убивал. Афанасий лежал лицом вниз, не дышал. Мать причитала над телом сына. Она бросалась закрывать его собой. Но пьяный хозяин сгоревшего дома с красными глазами, размахивал палкой во все стороны. Соседи оттащили мать от сына. Крепкие мужики боялись выхватить палку, отошли в сторону тоже. Только когда погорелец изнемог от ударов и отполз рыча, как подстреленный медведь в сторону пепелища. Тогда соседи схватили Афанасия под руки, потащили обмякшее тело подальше от изверга. Они его спрятали на сеновале в конце деревни.

Три дня Афанасий не приходил в сознание, соседка Агафья смазывала раны отварами из трав, нашептывала молитвы над молодым тельцем тринадцатилетнего юноши, который считал

себя мужчиной. Из ложечки вливала ему настой полыни, как противостолбнячное средство. Очень обрадовалась, когда смогла остановить кровь обугленной частью сгоревшего наследства. Мать Афанасия была вне себя. Не понимала, что ей говорит соседка про какого – то сына. Ведь сыновья у нее на руках, оба. Старшего она схоронила. Никто не смог объяснить ей, что Афанасий жив. Деревня позаботилась о семье Шаталовых. Соседи отдали им под жилье летнюю времянку. Отца Афанасия напаявали до беспамьятства, чтобы не пошел искать непутевого сына. А через десять дней Афанасий поцеловал тетю Агафью, поблагодарил за собранную котомку с сухарями. Привязал ее к палке и ушел из дома навсегда.

Глава 2

Ночь застала Афанасия в поле. Куда дальше идти не знал. Солнце сопровождало повсюду, – то слева было, то справа, то подталкивало в спину, уходило за горизонт. Тринадцатилетний подросток впервые остался с жизнью один на один. Страшно не было. Он запретил себе бояться. Когда вышел из села, остановился, посмотрел на закат. Красивое огненное море ложилось на горизонт, полыхало как жар в печи, даже хлебом запахло, наверное, из – за Агафьиных сухарей. Афанасий вздохнул, прочел молитву «Отче наш», мамка заставила в три года выучить, чтобы просить у Господа помощи. Знал, что бог есть. Просто новая власть, как Агафья сказала, с рогами пришла. Поэтому кресты их в бешенство приводили, они их в срочном порядке сбить вместе с колокольной требовали. Это же первый признак – бесы в человеческой плоти в земную жизнь вторглись. И давай бесноваться! Мало им показалось невидимыми быть. В молитвах так и сказано: «От видимых и невидимых врагов защиты нас!».

Именно эти слова Афанасий произнес громко в слух, перекрестился. Куда же без веры в путь? На ней все держится. С ней ничего не страшно. Даже честным быть. Все думают, что нам совесть шепчет – так не делай, так не поступай! А совесть – это и есть Господь. Он подсказывает нам, что делать.

Вдалеке виднеется беленный Храм, на нем висит теперь красная тряпка с белыми буквами: «Удвоить усилия, чтобы спасти революцию!». Куда же еще больше удваивать? И так местные у бабки Агафьи собираются в воскресенье миром помолиться. Не привычка зовет, совесть. Сколько раз пытались запретить эту общую молитву. Народ отстоял право молиться на краю деревни. Одно слово – темнота! Им смешно, что крестьянина Бог дисциплинирует. За воскресенье две смены в понедельник готовы на плуг налегать. Один день просят отдать Богу. Не нужно никого убеждать в обратном. Сколько раз видели, кто не соблюдает этот закон, обязательно или ногу, или руку ломает, три месяца тогда работать не сможет. Новая власть поуспокоилась, перестала гонять. Продовольственный план выполнять нужно, каждые руки в зачет. Пусть теперь губернское бюро РСДРП(б) и поселковый комитет партии большевиков в Храме заседают. Им же легче. Место – то намоленное.

С такими мыслями шел Афанасий по правую сторону заката на юг. Шел долго пока не стемнело, тут же в поле на ночлег остановился, чтобы с пути не сбиться, сел под молодой луной. Месяц тонкой долькой повис, улыбается. Хорошо, что луна не полная, иначе сидел бы на обозрении у всех. А там и батька мог бы разглядеть, в погоню броситься. Развязал Афанасий мешок дорожный, зачерпнул горсть квадратных сухарей. До чего ж шуршат красиво, успокаивают. Что человеку для счастья нужно? Когда голоден, запах сухарей кормит, согревает. Уткнулся Афанасий в ладошку, надыхаться не может, слюна топит желание есть. Вот так бы сидел всю оставшуюся жизнь под молодым месяцем, вдыхал домашний уют сухарей. Интересно, сколько месяцу годков? Может, как мне? Афанасий раскрыл ладошку с сухарями, поднял ее к новому другу: «На, бери, угощайся, я не жадный! За это сколько раз от батьки получал! Прости, отец, что не оправдал жизнь, которую ты мне дал. Одно скажу, – тебе никогда не будет за меня стыдно!», – вздохнул Афанасий, вытер слезу и проглотил ее вместе с квадратиками высушенного хлеба.

На утро не понял, как проснулся. Ласточки разбудили, хоть и кричали: «Спи, спи, спи!».

– Солнце уже встало и мне пора. Нельзя отвыкать от порядка! – потянулся Афанасий, сорвал засохший чабрец, натер им зубы, воды хлебнул из бурдюка. Сам видел, как Агафья его из ягненка мастерила. Здесь главное без единого пореза шкуру стащить через шею. Он помогал ей выворачивать кожу наизнанку, натирал солью, дегтем, будто знал, что ему пригодиться. Сейчас только понял, что Агафья знала это точно. Ее считали местной ведьмой – оборотнем. Говорили, на кого плохо подумает, тому не получить хорошего урожая или надоев. Но Афа-

насия любила, как сына. Своих детей не было. Ее в деревне все боялись, но жизни без нее не представляли. Всех лечила. Знахарь медицинский народных наук гений в ноги ей кланялся, когда из города приезжал за каким – то рецептом.

Чабрец на зубах еще поскрипывал, когда Афанасий сделал глоток воды. Это главное средство для выживания. Сколько еще идти на юг, не знал, улыбнулся новому дню, привязал мешок к палке, оперся на нее, чтобы подняться, забросил на плечо и побрел влево от рассвета. Дороги серыми полосками разбегались в разные стороны. Сколько людей по ним хаживало? Сколько кузнечиков, букашек, бабочек прыгало, летало. А теперь идет он – Афанасий Сергеевич Шаталов. Твердым размашистым шагом утопает в шоколадно – черной пашне, скользит по зеленым кривым полоскам озимых, то спускается в овраг или поднимается на холм. В одно мгновение показалось, что ходит кругами. В одном и том же месте огибая солнца. А вдруг и правда зайдет сейчас в Старополисскую деревню, окажется возле сгоревшего дома, увидит отца.

От этой мысли что – то тяжелое упало на сердце. Он еще быстрее зашагал. Поля черноземные жирные показались вдалеке. Значит деревня на пути попадется, свою губернию он уже прошел, по земле понял. Где же он? Афанасий запыхался, убегая от мыслей про отца, на четвереньках полез прочь из оврага. Солнце внезапно закрылось чернотой. Не зря пели ласточки: «Спи, спи, спи!». Дождь будет, ночлег нужно искать. Впереди лес. Туда пока нельзя. Ведь по солнцу путь найти можно. А с черной завесой, которая оградила тебя от неба соваться нельзя. Впереди виднеется раскидистое одинокое дерево. Откуда берутся эти охранники полей? Будто кто специально сажает для путников, сжарившихся по дороге, чтобы смогли в прохладе посидеть, отдохнуть. Под ним я и заночую.

Афанасий напрямик направился к убежищу, как к дому, в котором горит свет, накрыт стол, ждет ласковая мама.

«За нею очень скучаю! Одна с такой гвардией непутевых мужиков. Я же у нее один помощник был. Ничего, мамочка, заберу тебя, как только сам устроюсь и братьев заберу тоже. Отца не оставлю, помогать буду!» – мечтал Афанасий, подходя к старому раскидистому дубу, – как в Божьем Законе Мамврийский дуб Авраама, – перекрестился Афанасий.

Он обнял дуб, поцеловал, всегда так делал, когда видел дерево. Считал их всех живыми, только немыми. А так хочется с кем –нибудь поговорить. Ладно, есть сегодня не буду, нужно растянуть на всю дорогу. Водички глотну и спать. Афанасий долго укладывался, никак не мог пристроить мешок под голову, долго ворочался, не заметил, как закрылись глаза, мама гладила взъерошенные жесткие волосы, ее рука пахла свежим молоком, медом и мылом из лепестков роз, Афанасий схватился обеими руками за ее ладошку, прижался, не мог надышаться, но противный смех отца разбудил.

– Эй ты, урод, почему такой худой? На суп тебя только хватит! – гоготал заросший мужик, глаз которого было не разглядеть из – за нависших бровей. Во рту не было ни одного зуба, от этого слова не знали во что упереться, просвистывали между десен. – Братва будет недовольна, что сегодня не их день. Вчера хоть жирный мужичек попался. Этот хилик откуда взялся?

Афанасий вскочил на ноги. Но был прижат к земле тяжелой рукой беззубого.

– Ша, блоха, не рыпайся, иначе кости под дубом закапаем.

Второй лохматый был небольшого роста, но волосы, как копна свисали до плеч. Запах от них обоих исходил замогильной органики одинаковый, хоть тот поменьше был, да еще два зуба имел. Но также вонял, как и беззубый. Он потянул на себя котомку. Афанасий схватился за мешок крепко.

– Не отдам! Мое! – крикнул он осипшим голосом и сам его не узнал.

Двое весело переглянулись, запрокинули головы, сотрясаясь от смеха.

– Мое! Ты что, блоха, забыл, что теперь все общее! – гоготал беззубый. При том «все общее» звучало со свистом так громко, что Афанасий отошел на шаг назад.

Не понял, как все произошло. Но мешок вырвали из рук два здоровых без возрастных мужика.

– Это наше советское! И ты тоже! – ткнул кривым безобразным пальцем Афанасию в грудь коренастый лохматый бородач.

Откуда появляется реакция на страх. Но Афанасий схватил палку, к которой привязывал мешок, со всей силы стал размахивать ею перед собой.

– Только подойдите, зашибу! – кричал мальчишка и быстрыми прыжками оказался за деревом. В то же мгновение развернулся и полетел над землей, убегая от людоедов. Он так неся в направлении леса, что тот сам на него накиннулся через секунду и закрыл собой от преследователей. Конечно, у них такой прыти не было. Они едва добежали до половины, бросили беглеца на съедение волкам. Нужно ведь делиться с природой. Мужики развернулись, сели под деревом, открыли добычу – воду с сухарями, грязными руками пихали лакомство в рот.

В этот момент загромыхало так, что земля с небом сошлась именно в том месте, где прятался Афанасий. Крупные тяжелые капли гнули верхушки деревьев к земле. Ветер разрывался между водой и огнем. Молнии бросали змеиные стрелы в землю, втыкали зубцы в дикое поле, грызли пожелтевший чабрец, полевицу собачью с колосом, который сам в горло лезет, как гусеница, луговой хвощ с фиолетовыми, белыми помпончиками, и, конечно, в единственный дуб, под которым спрятались беззубый и лохматый.

Афанасий бежал по лесу, не оглядываясь, ветки царапали лицо, безжалостно хлестали. Дождь лил откуда – то сверху водопадом, заливал каждый миллиметр воздуха. К тому же рядом завывала собака.

«Нет, это не собака. Это волк», – пронеслось в голове.

Не понял, как, но обхватил ногами покореженный ствол, не стал с ним целоваться, а сдирая колени пополз вверх очень быстро, нога соскользнула, обернулся, увидел внизу два горящих глаза. Волк продолжал кричать, – кУда ты, дрУг?

Внезапно что – то рвануло штанину на коленке, нога зацепилась, Афанасий полетел вниз. Недолго падал. Почувствовал сухое. Места было мало.

– Дупло! – воскликнул Афанасий, – спасибо, Господи, за все!

Глава 3

Утро разбудило Афанасия выстрелом. Он вжался в тухлявую перину, услышал, как хрустнуло ребро, прощупал бок, нет это всего лишь щепка.

«Только бы не головорезы!», – пронеслось в воздухе, – Афанасий превратился в огромное ухо. Слышал, как мужики между собой разговаривали, что на грибников напали четверо волков. Двоих успели застрелить, одного ранить, но куда делся еще один? Почему в воронежских лесах их больше всего? Афанасий вздохнул, понял, что не ошибся с черноземом. Наслышан был, что воронежская земля самая щедрая на урожаи, одной полезности полтора метра. Значит, дошел до нее только. Эти отморозки, что продукты отобрали, тоже из воронежских будут. Но тут же услышал, что пожаром двоих под дубом спалило. Молния их вместе с деревом убила, говорят, что одни кочерыжки от них остались. Афанасий перекрестился, подставил ухо к отверстию, прижался, слышал все, что говорят. Глотал дым, исходящий от курящих охотников, едва не закашлялся.

Один из мужиков громко выругался, предположил, что волк в какой – нибудь норе прячется. Показал на дупло. Направился к нему. Другой засмеялся, объяснил, что волки по деревьям не лазят. А вот медведя можно разбудить. Голос снизил и давай власть ругать, что только людей отстреливают, до волков дела нет. Собак в селе не осталось, всех волки загрызли. Нужно всем миром подниматься, прочесать лес, иначе не только грибников рвать начнут, а еще жен изнасилуют. Шутка показалось мужикам смешной. Они загоготали, голоса стали удаляться. В скором времени совсем исчезли.

Афанасий смекнул, что воронежскую губернию придется бегом преодолевать, не спать, не есть, раз такие чудеса здесь происходят. Нужно быстрее выкарабкиваться из этого ночного пристанища. Выглянул из дупла, повертел головой вправо – влево, кувырком выпрыгнул, обхватив коленями ствол, быстро спустился вниз. Но не успел ногами упереться в землю, как увидел, что на него в упор смотрит худощавый дед, справляющий нужду. За спиной у него было ружье.

– Что за явление Христа? – кашлянул дед, наставляя на Афанасия круглое дуло, – подойди ко мне ближе. Ты чейный?

Афанасий подтянул штаны, нехотя подошел, свел брови:

– Я заблудился, – тихо произнес он, опустив голову.

– С какой деревни будешь?

– Я – городской, детдомовский из Воронежа.

Дед хитро прищурил глаз, оглядел Афанасия, улыбнулся, решил, что такой городской может в хозяйстве пригодиться. А то ртов много, да рук мало. Невестка любит это дело, рожает каждый год. А сын пособляет ей в этом грехе. А кто ж работать будет? Сейчас самый заготовочный период. Осень прозеваешь – жизнь потеряешь! Так что этот пацан сможет за черпак щей хорошим помощником стать. Дед привел Афанасия в дом, никому не сказал, где работника нашел. Просто выделил ему место на сеновале. Но это пока, а потом в сени переведу зимой. Приказал всем молчать, что это репрессированный сынок. Он сразу догадался, что пацан из Питера убег, видно на Тучковой набережной в красном доме жил. Он сам там столько лет прослужил, революцию своими руками делал, но по здоровью списался, домой подался к бабке под бочок. А на чтоб она хозяйство держала, если бы не его жалование. Когда голод навалился, многие уходили, чтобы своим подсобить. Так что он беглеца властям не сдаст. Если хорошо работать будет, то в колхоз пристроит на следующий год, как сироту – племянника. Афанасий остался жить на хуторе Сошка.

Когда дед Федор его завел в дом, усадил за стол вместе со всеми, такой благодарностью сердце Афанасия наполнилось, что готов был служить деду бесплатно хоть всю жизнь. На столе

из чугунного котелка издавала аромат картошка. Нарезанные лодочкой огурцы были подсоленные, сало веером разложенное на тарелке заставило проглотить слюну. Он даже не разглядел молодого мужика с бородой, его жену и пятерых детей от шести и ниже. Бабку недавно схоронили. Налили самогонки, выпили за упокой души. Даже Афанасию налил дед для сугреву. После чего горячая картошка, проглоченная почти за два укуса, проскочила, не обжигая горло.

Деда Федора все слушались в семье. Видно было, что он главный. Дом был небольшой мазанный из двух комнат. Самая большая – дедова. Туда никого не пускали. В маленькой жила семья сына Ивана с невесткой Натальей, детьми. Семья с интересом рассматривала высокого стройного юношу с орлиным взглядом и кучерявым чубом, с которого капала вода. Афанасий до ужина обмылся в летнем душе под ледяной водой с хозяйственным мылом. После дождя бак был полон, плескайся не хочу. Афанасий даже чистое белье получил, обноски Ивановы пригодились. Счастливый сел за стол, как заново родился.

– Вот теперь на человека похож, а то в рванье по лесам шастать, это не дело. Завтра тебя проверим в работе! А там посмотрим! – поднимая рюмку, произнес дед.

На сеновале Афанасий лежал, как во дворце на десяти перинах, подушку тоже дали, травой пахнет, видно набили полынью, бессмертником и пустырником, потому что не успел он на нее голову водрузить, как тут же заснул. Конечно, с дедом Федором весь день по лесу ходили, грибов насобирали на засолку, пока волка в лесу искали. А теперь грузди красиво в бочках блестели, солились. Осень прозеваешь – жизнь потеряешь! Это точно.

Рано утром, еще до того, как петух закричал, дернул за ногу Афанасия дед Федор, на работу нужно срочно, пока не сильно рассвело. Он потащил Афанасия, засыпающего по дороге, в колхозное поле на окраине деревни. Колхоз только что кукурузу собрал. Нужно оставшиеся початки к рукам прибрать, пока начальство не проснулось. Падаль она неучтенная, пусть лучше сгниет, а людям брать нельзя, в тюрьму отправят. Вот дед Федор на стреме стоит, Афанасий в мешок наощупь кочерыжки собирает, даже не оглядывается.

– Пошустрей, давай! – шепчет дед Федор. – Если что я тебя за шиворот схвачу, а когда начальство подходить будет, отпущу, тогда убегай в лес, как заяц зигзагами, понял, чтобы не застрелили? А мне не положено, я же сторож, охранять колхозное добро должен.

Афанасий кивает головой, соглашается, очень уж картошка воронежская вкусная, да огурчики зимой, говорят, бочковые будут подавать, те вообще, как лимонад. Пусть с запахом, но резкие! Слюна сама собой полилась, как про огурцы заговорили. Это ж самый деликатес для желудка, упадет вниз и он уже полный. А сегодня еще может и кашей кукурузной побалуют, не зря же мы ее собираем. Афанасий быстро на четвереньках лазит по рядочку, наощупь хватает, в мешок складывает неучтенное добро. Никогда в жизни ничего не воровал. Это ж грех какой! А вот кукурузу жалко, сгниет ведь! Господи, вразуми начальство!

– Слушай, Фонька, а ты ведь не питерский, с такой сноровкой в доме графа Стенбока – Фермера тебе места не было бы, – смеялся дед Федор, когда возвращались с целым мешком домой в обход через овраг. – Ты знаешь до чего хорош был его Дворец. Весь из красного кирпича с круглыми балконами, дом треугольником стоит на Тучковой набережной. Парадная с круглой дверью, лепнина наверху. Там даже домовая церковь есть «Сретения Господня». Вот это я понимаю детский дом в Питере. Я там истопником числился. Ух, а граф видать баб любил, маски женские под карнизом повесил всех своих любовниц. Будешь в Питере, обязательно сходи на Тучкову набережную, посмотри на этот Дворец.

– А че я там не видел?

– Да там такие как ты беспризорники живут! Вернее, выживают! Нет, лучше со мной на вольных хлебах. Молодец, заслужил шей горячих! Сегодня среда, значит постных горячих шей получишь. Мы традиции чтим, начальство ж не дознает, что мы в среду и пятницу едим, – засмеялся дед Федор.

Не смотря на новую власть, верующие соблюдали посты, придерживались страстных дней, среда и пятница – никакого сала, молока, мяса, только вода и постные щи. Но страстными у колхозников были почти все оставшиеся дни тоже. Неправильная чередка посевов, несоблюдение временных рамок, самодурство пришедших к власти, все сказывалось на урожае. Даже что вырастили собрать нормально не могли. А как по – другому? Если на каждом здании в воронежской губернии висели лозунги: «Мир хижинам, война Дворцам!», «Война до победы над капиталом!», «Быть богатым – стыдно!». Вот и жили все бедно, чтобы не дай бог не выделиться. Но минимум продовольствия, чтобы в очередной голод не сдохнуть, как бабка, которую поминали, нужно было все равно припрятать, ведь пять деток растут, им каши нужны.

Вот и работал днем Афанасий на сеновале, рушил початки кукурузы. Дед Федор приказал. Афанасий рядочек за рядочком тер друг о друга кукурузины, отковыривая желтые зубья зерен. Они шурша падали в мешок. Когда слышались шаги, Афанасий затихал, дед приказал, чтобы не высывался, пока на испытательном сроке. В следующую ночь дед Федор сторожил поле подсолнухов по разрядке, точно так же с рассветом Афанасий бегал по скошенному полю собирал оставшиеся шляпки подсолнухов. А днем сидел на сеновале, палкой стучал, как в бубен по солнышку, шелушил семечки в мешок.

Когда темнело, Афанасий шел на свинарник, где работала Наталья вместе с Иваном, чистил вонючий хлюпающий баз, сначала сгребал все тяпкой, затем забрасывал лопатой на тачку, а после толкал ее к силосной яме, там выгружал и вновь бежал к свиньям, коровам, лошадям.

За ужином после ледяного душа уже едва сидел, глаза закрывались, есть почему – то не хотелось. Наталья, довольная помощником, наливала порцию щей погуще, улыбалась ласково. От ее взгляда сердце Афанасия начинало стучать сильнее, кровь к лицу приливалась в тот момент, когда опускал глаза в заманчивую пышную грудь с ложбинкой посредине. Очень уж этот овраг не давал Афанасию покоя, хотелось уткнуться туда, вдыхать аромат ее духов с запахом акации. Она замечала его взгляд, улыбалась, подмигивала, расстегивала пуговицу пониже. Он готов был бежать от этой пуговицы, заглатывал горящую картофелину целиком. Она смеялась. Ночью вообще не мог уснуть, думал о Наталье. До чего красивая девка была! Чернявая, глазища большие манящие, взгляд такой ласковый, будто облизывает всего, как мать теленка. Но что – то в этом взгляде было не материнское. Он еще не понял. Но хотел бежать в Питер, к тем маскам любовниц графа, про которые рассказывал дед Федор.

Однажды ночью, когда все улеглись спать, за ужином Наталья старалась налить мужу побольше мутной дряни. Афанасию больше не наливали после поминок умершей бабушки. Дед запретил. А вот сам не прочь был пропустить с сыном наперегонки. Храп стоял, кажется, на весь хутор, когда в окошке сеновала появились эти горящие огромные глаза. Наталья сама не одну рюмашку пропустила для смелости. Расстегнула еще одну пуговицу, залезла на сеновал, стояла изогнутая, как кошка, улыбалась:

– Афонечка, милый, ты уже взрослый! Вон как исправно работаешь! Хочешь я тебя отблагодарю за помощь?

Афанасий отполз подальше в угол чердака. Но горячее тело уже прильнуло к нему так близко, он не понял, как остался без рубашки, как сладко пахла акация, как заманчивая ложбинка оказалась под его горячими губами, он сам от себя такого не ожидал. Будто другой человек в нем проснулся, который был намного сильнее, смелее, красивее. Ведь маленькое женское создание заслужило любви не меньше той, которую заслужил он. Афанасий видел себя со стороны, странное ощущение, тебе хорошо, ты стоишь сверху и все видишь: зовущие стоны извивающейся женщины, громкое дыхание и себя! Ты – победитель! Охотник! Самец!

– Ах ты, сукин сын! – раздалось над головой. – Тебя отец подобрал, а ты гадишь?! Сука, убью! – Иван схватил Наталью за распущенные волосы, потащил к окошку чердака.

– Не трогай ее! – закричал повзрослевший мужчина. – С бабой трупсы воюют! Меня бей!

Иван отпустил жену, рванул разъяренный на Афанасия. В этот момент Наталья быстро спустилась, позвала на помощь деда. Тот мигом оказался на сеновале, схватил сына за руки: «Беги, Фоня, беги в Питер! В красный дом! Иначе он тебя убьет!».

Афанасий на ходу запрыгнул в штаны, схватил рубашку, сиганул с сеновала, помчался в сторону железной дороги под смешным названием Россошь.

Глава 4

Афанасий бежал наугад в сторону железной дороги, выплевывая на ходу выбитый зуб, глаз тоже затек, губа рассечена надвое. Иван оставил память о себе на всю жизнь. Любовь сладкая бывает, но после нее горечь во рту стоит еще долго. Откуда эта любовь на людей набрасывается?

«Сам вообще на жену внимания не обращает, только кричит, еще возмущается, что на другого загляделась, – размышлял Афанасий по дороге. – А видно любит меня, за помощью побежала, чтобы муженек вилами не заколол. Спасибо. Но я за Натальей тоже вернусь, когда устроюсь и за ее ребятишками. А то не понятно, как жить? Страну действительно бросает с этой индустриализацией то в силосную яму, то на электрический столб. Сами не знают, чего хотят. Запутались, заврались, – нужно сельское хозяйство, не нужно сельское хозяйств. Дадим землю в аренду, не дадим землю в аренду. Нужно дела в городе поднимать, деревня подождет. Хотят построить новую страну, а какую не знают. Наелись новой экономики? Отец тоже возмущался больше всех, когда из города приезжал с заработков. Говорил жируют так же, только одних богатых на других богатых поменяли, лишь в деревне всех бедными сделали, уравнили. Когда же этот переходный период от капитализма к социализму закончится? Две войны, две революции, надоело! Земли побросали, затем спохватились, стали из городов назад крестьян звать. Вот дед Федор тоже прибежал домой. А что толку? Теперь сельскохозяйственные артели придумали, поля сторожат, урожай собрать нормально не могут, сколько добра пропадает. Еще коммуны хотят создать, чтобы все общее, и жены, дети, все вместе спали, веселились. А что мне это нравится. Вот у нас считай коммуна получилась у деда Федора, — Афанасий засмеялся над своими мыслями, сплюнул кровь, заторопился быстрее к стоявшему поезду.

Звуки шипящего состава приближались к станции. Что – то было зловещее в этих мелодиях. Неизвестность набрасывалась на тебя тяжелым ночным полотном. Как хорошо, что у кого – то есть дом! Тебя там ждут! Вон бегут все куда – то, наверное, в свои кровати теплые, к мужу или жене под бочок. Мне спешить некуда, где зиму перекантуюсь, не знаю? Слышал, что на юге тепло, нужно срочно туда. Куда идет этот поезд? А вдруг на север? Я уже сбился с пути похоже навсегда.

Два года жизни у деда Федора в наемниках за тарелку борща. Не хотелось выходить из зоны комфорта. Каждому человеку нужна семья. Он должен знать, что его ждут. На дворе тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Мне пятнадцать! Жених! Лучше бы не связывался с этой Натальей, не стоял бы под дождем на станции, не зная в каком направлении двигаться.

Люди бегали по перрону, не замечая его. У всех были дела. Кто бежал с корзиной, в которой кричали гуси, кто с потертым чемоданом в очках, кто в дорогом драповом пальто с сигарой. Люди были совершенно разные. Не только внешне, но и по внутреннему содержанию. Это читалось по лицам. Вон идет с отвисшей челюстью, бессмысленным выражением глаз, видно с трудом думает. А этот человек в берете с потертым чемоданом смотрит вовнутрь себя, но все равно видно, что он умный. Взгляд совершенно другой, не такой, как у того с открытым ртом. А тип с сигарой, отморозок нэповский, тот всех скурит, как эту сигару.

Афанасий, разглядывая прохожих, забыл, что нужно каким – то образом попасть в поезд, только когда увидел, что в один из вагонов подбрасывают вилами сено, понял, как ему туда попасть. Мужчина с вилами, не смотрел по сторонам, он механически поворачивал туловище к телеге, накалывал пучок сена и забрасывал в небольшую щель створок, из которых на него смотрел вороной красавец. В тот момент, когда он наколол сено, Афанасий юркнул в щель, нырнул в сено с головой, проскочив подальше в вагон. Над ним фыркал недовольный конь, пару раз лягнул для порядка. Афанасий услышал голос мужика:

– Чем недоволен?! Лучшее сено! Посмотрим, чем тебя эти турки кормить будут?

– Турки? – пронеслось в голове у Афанасия. Он счистил солому с подбитого глаза, огляделся. За перегородками со связанными копытами стояли племенные жеребцы. Афанасий знал в них толк. Помогал в колхозной артели деду Федору, видел, как большевики беспокоились об укреплении материального состояния деревни. Разрешали земли брать в аренду, посевное зерно, с урожая можно было вернуть, лошадей в аренду тоже давали. Наверное, этих племенных кому – то везут. Советское правительство реальную помощь стало оказывать селу. Голод напугал всех! Крестьян решили вернуть в деревни. Все наработки применяли для развития нового строя. Это время считалось переходным от капитализма к социализму. Развитие кооперации – великое дело! Коллективизация кооперативов, снабженческо – сбыточные магазины, которые скупали сельскохозяйственную продукцию у артели, выдавали товары промышленного производства. Хорошо, что приняли на XV съезде партии «Резолюцию о кооперации!». А то – бы как я в этот поезд попал? Только непонятно причем здесь Турция?

На его размышления ответил скрип закрывающегося вагона, сзади кто – то набросил щеколду с замком.

– Давай, трогай! – закричали на перроне по – старинке, будто лошадь в путь отправляют. Афанасий закрыл глаза, улыбнулся, повторил: «Давай, трогай!».

Поезд дернулся вперед, будто кто толкнул, затем назад раскачиваясь загромыхал по рельсам: «Ту – ду, ту – ду, ту – ду». Жеребцы заволновались, недовольно заржали, встали на дыбы, видно им не хотелось в Турцию, Афанасию хотелось. Он закрыл глаза и провалился в будущее. Ему снилось, как он в белом красивом костюме скачет на этом черном красавце, как ему улыбаются девушки с цветами в руках, бросают зовущие взгляды. У каждой красивая ложбинка в области декольте. Но одна чернявая с длинными черными косами стоит в стороне осуждающе смотрит. Черный конь встает на дыбы, Афанасий хватает девушку, сажает с собой, увозит в красивый добротный дом из белого кирпича. Но в этом доме почему – то нет окон.

В это время слышит странный крик, скрежет, плач, открывает глаза, перед лицом осклизший чернявый жеребец с мертвыми глазами. Афанасий вскочил, не понял почему небо над головой. Сон это или жизнь? Ничего не понимает, крики людей, плач настоящий, протяжный, завывающий, что произошло? Ничего не понятно, он быстро вылез из своего укрытия.

– Людей вытаскивай! – крикнул ему мужик накальвающий сено.

Афанасий огляделся, вагоны лежат перевернутые в овраге, со стороны виднеются очертания гор. Сколько ехали, сколько он проспал, ничего не помнит. Афанасий рванул на плач. Залез через окно в горящий вагон, увидел в крови покалеченных людей, стал поднимать деревянные скамейки, придавившие одного в буденовке, постарался как можно спокойнее вытащить сломанную ногу, мужнина сцепил зубами ворот телогрейке.

– Потерпи, сейчас я тебя вынесу на воздух, а то угорим! – Афанасий взял его на руки, подтолкнул к окну, в которое заглядывала луна, поднял мужчину, попытался протиснуть его в разбитое окно, затем сам подтянулся, вылез, передал мужчину в руки хозяина лошадей.

– Петро Михайлович, давай сюда, на солому, как же так?

– Не причитай, Василий, как баба, лучше людей спасай! – закусил мужчина ворот вновь.

Афанасий продолжал вытаскивать из других вагонов старух, детей, молодых женщин, быстро оттаскивал их подальше от горящего поезда.

– До нашего хутора тут рядом, Петро Михайлович, я сейчас быстро кого – нибудь на помощь позову, – конюх Василий быстро оседлал, оставшуюся в живых лошадь, ускакал в темноту.

Через некоторое время, несколько телег появились на горизонте. Афанасий уже вместе с остальными мужиками курил возле перевернутых вагонов.

– Главное, пожар потушили, молодцы! – похвалил Петр Михайлович.

Василий с подмогой грузил раненых на брички. К первому подошел Петру Михайловичу, заискивающе старался помочь, но тот отказался от его помощи, поздравил Афанасия.

– Тебе как звать?

– Афанасий.

– Куда путь держал?

– Никуда.

– Тогда со мной пойдешь, мне такие бойцы нужны, – улыбнулся Петр Михайлович Волков и оперся на плечо юноши.

Василий сокрушался, что не доехали совсем немного до своей станции Лабинской. Говорил, что это недобитые враги советской власти промышляют на дорогах. Но Волков предупредил, чтобы не растлевал молодежные умы. Врагов всех перебили. Тунеядцев, которые за дорогами не хотят смотреть сразу к расстрелу.

На берегу реки Лаба на месте Мохошевского укрепления еще в Кавказскую войну воздвигли станицу Лабинскую. Это был надежный форпост по защите Российских рубежей на Кавказе. Из Лабинской дорогу провели на Майкоп. После частых набегов черкесов, турок, адыгов, войсковой атаман приказал поставить впереди станицы хутор Вольный с укреплениями. И вот так от него треугольником расположили еще два хутора: Кармолино – Гидроицкий и хутор Шелковников.

Петр Михайлович Волков был начальник ревкома Вольненского сельского поселения. Ему нужен был на хутор Кармолино – Гидроицкий хороший управленец, с гибким умом, сильной волей, чтобы молодой был. Он решил присмотреться к Афанасию.

– Сколько годков тебе, Афанасий? – спросил Волков, когда тот пришел к нему в больницу.

Жить Афанасия оставил Волков при сельсовете. Там диван кожаный трофейный, из самого Питера доставили за хорошую службу перед Отечеством. Вот Афанасий на нем поспит. Так решил Петр Михайлович. Работать возьму писарем для начала, пусть присмотрится. Документы сам справлю. Нужно узнать, сколько годков ему?

Афанасий услышал вопрос, решил набросить года два для начала, сказал, что ему семнадцать, сообщил, что сирота, из детского дома сбежал. На этом и порешили.

– Ладно, трудовую книжку тебе организую, человеком станешь! Фамилию хоть свою знаешь?

– Да, Шаталов Афанасий Сергеевич! – гордо произнес новый житель хутора.

В стране был разброд и шатание, «Положение о видах на жительство», – основа всей паспортной системы Российской империи, потеряло свою силу после революции так же, как и «Устав о паспортах». В то время не обязаны были иметь паспортов, достаточно что люди были приписаны к месту службы или обществу. Паспорта выдавались только, если человек выезжал дальше пятидесяти верст и дольше шести месяцев. Женщинам паспорт могли выдать только с разрешения мужа или отца. Но виды на жительство и паспортные книжки того времени долго еще гуляли по стране, почти до тысячи девятьсот двадцать третьего года. Позже были введены удостоверения личности. Паспортные, трудовые книжки аннулируются со временем. И только местные советы могли дать разрешение на выезд, въезд, выдать трудовую книжку, которая приравнивалась к паспорту.

Глава 5

– Я не понял, ты долго собираешься в моей кабине разлеживаться? – недовольно спросил конюх Василий, тряся Афанасия за плечо.

Афанасий спросонья не понял, что нужно конюху. Он потер глаза, удивленно глянул.

– Чего вылутился, подкидыш?

Афанасий зло глянул на Василия, скинул на пол кусочками сшитое одеяло, встал поправляя ремень. Одежку ему сам Петр Михайлович Волков подогнал. Военные галифе, китель с синим клапаном – петлицей, пришитый к краю воротника. Костюмчик видно было не с его плеча, размера на три побольше, рукава закатаны, ремень кожаный поддерживал, чтобы ниже коленей не был. Конюх Василий взглянул на бойца и так громко засмеялся, что конь, привязанный к сельсовету, порвал веревку, поднялся на дыбы и громко заржал.

– Слушай, кавалерист, где твой вороной? Или на диване поскачешь? – продолжал смеяться Василий, который оказался не конюхом, а председателем сельского поселения. Но про это Петр Михайлович забыл Афанасию сказать. Писарем назначил работать у него. Насмеявшись, Василий Федорович Помойло еще раз поправил свои торчащие усы, замком скрестил руки за спиной, зашагал по кабинету из стороны – в – сторону. Он молча ходил, о чем – то думая, потом начал сокрушаться, что все люди вокруг твари, что такого племенного отряда давно не было у батьки. Лично для него везли отменных жеребцов, поменяли на лучшее семенные сорта пшеницы, такие как «гирка», «буйволинка». Это ж достояние только целинных мест, горного воздуха, засухи, которые эти сорта произвели на каменистой местности, теперь их ни какая коррозия почвы не возьмет. Пусть теперь засунут себе в одно место российские деревянные сохи, потому что украинский металлический плуг – это как шулон в беззубом рте. Половину слов Афанасий вообще не понимал, когда председатель ему на голову выливал бранные помои. Он ругал всех. Одного человека не трогал – Петра Михайловича Волкова.

В станице все говорили на непонятном для Афанасия языке, на южнороссийском диалекте, в котором совмещались особенности украинской, русской речи, звучали фразы, слова из лексикона горцев и степняков – кочевников. Своеобразное «г», слышалось в каждом слове. На Афанасия смотрели с удивлением, будто он с другой планеты, смешно им было слышать грамотную речь церковно – приходского студента. Но девушки на него заглядывались, шептались, что он то – ли племянник главному, то – ли незаконнорожденный сын самого царя. Слишком уж выправка была статная. Чуб из – под буденовки выглядывает. Идет по станице с папкой, важный такой, перепись населения поручили сделать. Стучит в каждый двор, спрашивает, – сколько живности, какого звания будут – бедняки, середняки, кулаки? Сколько товарного зерна произведено в хозяйствах зажиточных крестьян? Сколько у бедных? Кто вступил в добровольное объединение? А кто еще думает? Кто приписан к коммуне, а кто к колхозу.

После передачи власти в советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, применялись различные модели выживания молодого государства. Новая экономическая политика позволяла сельским труженикам самим выбирать путь своего развития. Никто не знал какой он должен быть.

Осенью 1927 года представители комитетов бедноты, руководители коммун и товариществ по совместной обработке земли решили узнать, как влияет на развитие сельского хозяйства пробная модель коллективного труда на земле. Посчитали, что на обработку каждой десятины затрагивают в три раза меньше средств, чем живущие по соседству единоличники. Урожай всем миром собирают «дюжа гарный», в переводе с южно – российско – украинского, – очень хороший. Да еще и зерна полнее, клейковина нужной вязкости. Не говорилось о жестком переходе одной формации в другую. На XV съезде говорилось, что будет поэтапный переход, неторопливый, продуманный от частных хозяйств к коллективным. Полуграмотные кре-

стыняне юга с недоверием относились к перспективе объединения, предпочитая не торопиться, посмотреть, что новая власть еще придумает. Не спешили с коллективизацией и местные партийные органы.

– Ну что, Афанасий Сергеевич, что набрехал тебе народ про урожай? – смеялся Василий Федорович. – А ты каждое зерно пересчитал или как?

Афанасий хлопал глазами, отвечал четко, без проволочек, что мешки сам лично открывал, смотрел, что кур пересчитывал, коз, овец тоже.

– А кто ж тебе беспартийному доверил такое важное дело? Кто ж тебе поверит, если ты неосознанно – революционный кавалерист? – смеялся, как всегда, Василий Федорович и не слышал, как вошел реввоенком Волков, прислонился к стене, наблюдал, как тот воспитывает молодежь. Слушал недолго, перебил председателю.

– А кто тебе сказал, что он беспартийный? Сегодня утвердили возглавить комсомольскую организацию станицы, лично я подписал.

Василий Федорович Помойло развернулся, увидел комиссара, глаза забегали по кабинету, не знали, где остановится.

– Петро Михайлович, как я рад, что ты к нам заехал. А мы тут с вашим протеже дюжа ладим.

– Я заметил. Ладно, собирайся, Афанасий, поедет к батьке, – улыбнулся Волков.

– К самому Буденному?! – удивился председатель.

– А что у нас другой здесь есть?

Семен Михайлович Буденный, заместитель командующего Северо – Кавказским военным округом, организовал конные заводы. Возглавлял всю красную кавалерию. Был инспектором «Рабоче – крестьянской красной армии». Именно ему они тогда везли племенных жеребцов. Волков был его правой рукой. На всех Пленумах, съездах всегда сопровождал его. То что Буденный родился на Дону, как и Волков знали все. Но то, что они еще пацанами бегали рыбачить вместе никто. Только Волков знал, когда они работали вместе в кузнеце, что его лучший друг Семен очень любил коней, мечтает стать конезаводчиком. Любовь к лошадям переросла в страсть. Он знал о них все. Всегда говорил: «В бою только вороной тебя не оставит! Любой маневр сообразит, потому что мозгов у коня больше, чем у некоторых вояк!». Служить ушел в двадцать лет. Мама на прощание сорвала ему цветок бессмертника.

Есть в полях такие цветы, красивые шелком нежно – розовым блестят, никогда не вянут, без воды могут стоять, как живые. В поле сухом воином выстоять. Жесткие лепестки, шершавые листья, твердый стебель, все говорит о том, что этот цветок действительно без возраста и смерти.

Семен Михайлович всю свою жизнь носил его с собой, как талисман. Бессмертник стал его ангелом – хранителем, как «Буденовка».

Афанасий поправил буденовку на голове, радостно улыбнулся, заторопился к выходу. Возле порога стояли два боевых коня. Волков специально одного для Афанасия пригнал. В благодарность, что спас его. Не пристало начальству теперь без коня быть. Так что подарок пришелся по вкусу. Черный, как его чуб, вороной бил копытом, недоверчиво сопровождая Афанасия взглядом. Но Шаталовы считались хорошими наездниками на Орловщине. Давно он в седле не сидел! Когда у дяди Федора жил, не позволяли высовываться. В подполье загнали, как тайную рабочую силу. А дома батька всегда вожжи давал, все хозяйство на нем было.

Афанасий подошел, дал вороному ладошку, погладил по загривке, головой прижался к жесткому конскому волосу, довольно улыбнулся.

– Спасибо большое, Петр Михайлович, всю жизнь за вас молиться буду! – Афанасий поправил буденовку, – скажите, в честь батьки так шапку назвали?

– Да, в его честь! Он первый в дивизию заставил ее привезти. Власти хотели отказаться от остроконечного шлема из войлочной материи, потому что это продукт империализма! Николай

П пригласил лучших специалистов – художников: Васнецова, Кустадиева, чтобы они символ придумали для великой победы в Первой мировой войне. Сам знаешь, проиграли ее. А символ победы остался. Вот Семен Михайлович сказал, что эта буденовка напоминает шлемы богатырей. А мы кто? Мы и есть богатыри! И ты, Афанасий, тоже! Вот красную звезду пришили к ней, горит она у тебя во лбу! А ты еще немного мясом обрастешь и вперед! На защиту Родины!

Афанасий скакал рядом с председателем революционного комитета медленным шагом, с удовольствием слушал старшего товарища, который стал для него всем: отцом, дедом, братом. Как все – таки странно в жизни происходит. Встречаются на пути испытаний люди, начинают помогать тебе. И ты уже любишь их больше, чем родственников, сам начинаешь верить, что ты им племянник, незаконнорожденный сын, сват, брат. Ты уже не представляешь небо без этого человека, радуешься, что живешь с ним в одно время, видишь ту же красоту, что и он, дышишь с ним одним кислородом и столько в твоей душе благодарной радости! Кажется, прикажет тебе этот человек: «Афанасий, прыгни с той скалы!», ты секунду не будешь думать, сразу вниз головой полетишь орлом в пропасть!

Волков видел в Афанасии то, что никто не видел. Это мужской стержень! Да, был юноша немногословен, подозрителен, не от хорошей жизни, но взгляд ястреба говорил о многом. Афанасий Шаталов не подведет и не предаст!

Глава 6

На хуторе было несколько добротных хороших домов, по ним сразу видно было, где жили настоящие хозяева. Вообще дома, как лица у людей показывают, кто – есть – кто. У одних дома ухоженные, у других – даже неумытые с пыльными окнами. Можно в дом не заходить. Все равно ясно, кто как живет. Посредине центральной улицы выше всех стоял дом Сергеевых. Отец семейства занимался пчеловодством. Жил в ульях в горах, так про него говорили местные жители. Ни к кому в гости не ходил, к себе тоже не приглашал. Шушукались, что он колдун. Лишний раз скотину не хочется вести по дороге, когда его видишь. Небольшого росточка крепыш – единоличник. Со своей бабой вдвоем живет долго. Только дети у них не получались много лет. Первый признак, что колдуны.

– Это ж надо такому быть, чтобы в деревне, где по двенадцать детей в семьях, ни одного ребенка не завести. Только скотину! – возмущались хуторчане.

Макар Сергеев целыми месяцами дома не появлялся. В горах на пасеки был. Но все говорили, что видели его в виде черной кошки, оборотень через забор лез ночью. Глазища так же сверкали, как у него. Но однажды Макар так кричал на жену, что весь хутор проснулся от его криков. А потом все заметили, что она на снастях. Как же такое спрячешь. Вот тебе и колдун! Родилась у них белокурая красавица Машенька. Никому они ее не показывали. Но досужие щель в заборе все – таки проделали, даже камень в окно кинули, чтобы ребенка с хвостом и рогами посмотреть. Многие говорят, что девочка – настоящая ведьма! Красивая! Глаз не оторвать. Таковую на костер нужно было отправить сразу в роддоме. Очень уж хотелось увидеть ее побыстрее. Но собаки злющие на забор накидывались, когда кто –нибудь ко двору подходил. Машеньку никто не видел. Говорят, пять или восемь годков ей должно исполниться.

– Доченька, пойдешь фасольку собери, я тебе сварю, как ты любишь.

Машенька, забросив на спину длинные толстые косы, побежала бегом на огород и замерла. Красивые зубастые скалы напротив дома торчат из зеленого массива. Сказочные герои пришли спасать принцессу сюда. А там за длинной Кавказской горой, где – то батя с пчелками. Машенька не могла наглядеться на красивое синее небо. Такого цвета никогда не видела. Меняется оно от погоды и ветра. Море рядом с зубчатыми горами. Оно летом так согревает воздух, что влажно становится. А зимой держит температуру долгое время, пока не остынет. Иногда запах водорослей доносится. Цветущий уголок Кавказа восхищает простором полей, зеленью гор и зарослями лесов.

Маша смотрела на заснеженные вершины, ей казалось, что от одного вида белого налета становилось холодно. Отец говорил, что там снег. Но как он может там лежать, когда лето, жара, солнце на дворе, почему не таит. Удивительным казался Машеньке окружающий мир. Альпийские луга напротив дома, из которых торчали эти кривые истуканы. Именно они пугали ее больше всего. Огород был длинный, упирался в бурную стремительную реку. Туда ходить мама не велела. Только до фасоли, которую вместе сажали.

Машенька босиком побежала к этому месту. Засохшие стручки свисали до самой земли. Машенька наклонилась, сорвала вместе с кустом, бросила в сторону, принялась за следующий. Так куст за кустом почти весь участок очистила. Села на черенок лежащей мотыги, ногу поставила на сорванный куст, оторвала стручок фасолины, положила в платя в мелкий цветочек. Мама его сама сшила. Наклонилась за следующим. Так набрала полный подол фасолевых домиков, как она их называла, поднялась с задранном подолом, понеслась к дому с добычей:

– Мама, давай чашку! – кричала Машенька.

Мама улыбнулась, выглянула из сеней, протянула дочери льняной мешочек.

– У какая молодец! Хозяйка, столько насобирала. Ты мне в мешочек сразу ее собери. Фасоль не любит, когда ее в мягкое не кладут, будет твердая не вкусная, – улыбнулась мама.

Маша одной рукой сцепила углы платья, взяла мешочек, положила его на стол возле летней печки, аккуратно высыпала фасоль из платья, расправила руками. Затем покрутила следующий стручок, он раскрылся. Ей больше всего нравились в фасоли зернышки, которые она высыпала на дно мешка. Маша наклонилась, принялась за следующий. Внезапно в калитку очень сильно постучали: «Хозяева, есть кто живой?!, – крикнул Афанасий. – Маша спряталась за летнюю печку. Этакое глиняное побеленное сооружение с трубой.

Мама открыла дверь, с порога отозвалась: «Нет никого! Хозяин в горах! Что надо?»

– Хозяйка, добрый день, скажите, у вас дети есть? – спросил Афанасий улыбаясь.

– Зачем вам?

– В комсомол записываю!

– Не нужно нам вашего комсомола, и колхоза, и артели, ничего вашего не нужно! А дочь у меня маленькая, пять лет всего. Или вы записываете еще не рожденных?

Афанасий прыгнул со скамейки, сплюнул. Как с такими несознательными тружениками быть? Как им внушить что все они делают правильно: старшие смотрят за младшими, помогают им, воспитывают. А пережитки прошлого назад хотят в преисподнюю. Сегодня же подниму вопрос на заседании совета, что нужно разъяснительную работу проводить. С докладами выступать, объяснять им, что мы не враги. Мы – друзья! На юге поздно до людей все доходит. У нас на Орловщине быстрее смекнули что к чему. Афанасий вздохнул, как же он будет докладывать батюшке, как ему здесь работается, когда следующий раз к нему приедет. Это ж ему не понравится. Буденный так и сказал мне: «Ты, Афанасий, точно, как я! Расскажешь, как тебе здесь работается?» – улыбнулся новый секретарь комсомольской организации.

Вчера, когда Волков его привез на стрельбища, он понял, каким батюшка был. Каким нужно быть ему. Каждый молодой боец должен уметь стрелять. Это было поголовная повсеместное обучение навыкам стрельбы.

– В такой стране, как наша, нужно защитников растить с колыбели! – сказал Волков.

Молодых комсомольцев обучали самым важным аспектам: держаться в седле, вождению автотранспорта, средствам индивидуальной защиты от химического оружия, спортивной тренировке, стрельбе. Очень хорошо относился Буденный Семен Михайлович к молодежи. После того как состоялся 1-ый Кубано – Черноморский съезд, решили создать оргбюро обкома комсомола. Набирали самых достойных парней. Создавали формацию нового человека. Это должен быть человек будущего. Уметь все! Главное, нужно растить молодежь здоровой, сильной с идеалами в голове.

Когда Волков привез Афанасия в Крестьянско – Российскую Конную Армию, хотел показать какими богатыри бывают, то конноармейцы ухмылялись, видя на коне, в раздутом кителе худенького высокого вояку, который рассматривал их с открытым ртом. Не видел такого никогда раньше. Отважные парни скакали по кругу, перепрыгивали через перекладину, затем выскакивали из седла, цеплялись за турник, подтягивались, делали перевертыш, вновь падали в седло и стреляли в мишень. Так продолжалось несколько часов.

Волков и Буденный еще с несколькими офицерами наблюдали за тренировкой. Афанасий стоял рядом с Волковым, не мигая. Неожиданно не вытерпевший нагрузок конь не дождался своего седока и прямо пошел на Буденного.

В этот момент Афанасий, сам от себя такого не ожидал, выскочил на своем коне навстречу взбесившемуся животному, перепрыгнул на него, со всей силы сжал бока ногами, потянул узды на себя, но конь решил его сбросить, стал падать, брыкаться. Афанасий прижался к нему так сильно, будто слился с ним воедино и что – то кричал ему на ухо. Солдаты приготвили стрелять, никак не могли прицелиться, потому что конь вертелся, как юла, падал, поднимался, опрокидывался, как акробат. Но Афанасий вцепился в него намертво. Неожиданно конь рванул к высокой ограде с такой скоростью, что казалось еще миг и вдребезги разобьется

с Афанасием об эту бетонную плиту. Но Афанасий со всей силы рванул коня на себя и перелетел через это ограждение.

– Не стрелять! – крикнул Волков.

Все поскакали к забору, видели, как сбесившийся конь несется в сторону обрыва. Волков зажмурил глаза. Афанасий орлом полетел вниз. Волков с Буденным перемахнули через ограждение тоже на своих вороных, пустились за Афанасием. Когда подъехали к краю насыпи, увидели, что Афанасий мокрый стоит в воде, моет орловского рысака.

– Как не стыдно! – продолжал выговаривать Афанасий – Что ж ты орловщину позоришь!

– Сынок, спасибо! Ты прям как я! Душу порадовал! – похлопал Афанасия по плечу

Буденный.

С тех пор Афанасий знал, что теперь точно примут его в ККРК, когда срок подойдет. Волков хвалил Афанасия, благодарил, что не подвел, быстро сообразил. На что Афанасий скромно отвечал, что эту породу «Орловский рысак» хорошо знает, признался, что сам с орловских мест. Эти лошади душу слышат, а не приказ. Волков распорядился, чтобы Афанасия квартировали по лучшему разряду. Его поселили рядом с хуторским советом у директора школы. Тот выделил ему светлую комнату в школьном доме. Учителей все равно на хуторе не было. Они все жили в Вольном. А директор вместе с учениками ходил в школу за десять километров от хутора. Директор был странноватый мужчина, подражая Владимиру Ильичу Ленину носил такую же бородку и кепку. Кажется, специально картавил. Но был добрый, книги умные читать давал, в основном арнаментальную прозу, напичканную революционно – лозунговыми эпитетами перестроечного мира. Не забывал баловать лирико – романтическими романами Грина. На Афанасия произвели впечатления «Алые паруса», «Бегущая по волнам», он очень удивился, что Грин не английский писатель, а наш советский из Вятской губернии Александр Степанович Гриневский. Афанасию нравилось, как писал Горький, Сургучев, Серафимович. Это же настоящий советский реализм. Он зачитывался вечерами, не ходил танцевать в клуб. Зачем это еще ногами просто так дрыгать. Кто туда ходит? Василий Федорович Помойло с женой, да Нюрка из продмага. Волков не ходит. И мне некогда этими глупостями заниматься. Мне еще нужно план собрания обмозговать. Наметить, где комсомольские руки могут еще пригодиться? Побелка деревьев, пахота на быках целинной земли возле скалы. Волков выделил под комсомольские нужды. Сказал, обработаете, урожай соберете, продадите, поможете ветеранам Кавказской войны подарочки справить. Это же целая наука людьми управлять! А эти две вертихвостки – активистки Любка и Дунька из продмага. Они ж только глазки построить ходят на собрание. Я что слепой не вижу. Знаю эти бабские уловки, шрам на губе напоминает. Ничего завтра попробую в Вольное съездить на курсы агрономов, куда Волков посылает, тогда по науке все сделаем с выделенными целинными землями, с бабами. Афанасий закрыл книгу, выключил свет, отвернулся к стене. Но в окно громко постучали. Он даже вздрогнул от испуга.

Глава 7

Афанасий подошел к окну, одернул штору. Перед ним махал рукой Василий Федорович Помойло.

– Иди, Афанасий, сюда контру задерживать будем! – Он держал за шиворот пчеловода Сергеева. Афанасий запрыгнул в сапоги, подошел ближе. Василий кричал, что этот гад в общую артель мед не хотел сдавать, ночью прятал его у Дуськи в продмаге. Они целую банду организовали. Из – под полы продавали, деньги делили между собой. Но я их разоблачил. Три ночи караулил в подполье. Сегодня слышу, заходит контра и Дуська с ним, шушукаются. Тот ей банку майского. А я с пистолетом из подвала выныриваю, попались, голубчики! Афанасий смотрел на Сергеева, но тот молчал, сжав зубы.

– А где Дуська? – спросил Афанасий

– Убегла дура! Можно подумать не знаю, где живет! Давай записывай все по – порядочку. Волков в Екатериноград умотал, тьфу ты, прости меня грешного, в Краснодар, никак не привыкну. А нам надо контру придержать до приезда начальства. Пусть у тебя посидит?

Афанасий посмотрел на связанные руки, путы на ногах.

– А ты что его не отпустишь, не знаешь где живет?

– Нет, ты точно дурак, давай пиши, как все было с моих слов. Я подпишу. А этот молчит. Может тебе что расскажет?

Василий Федорович толкнул Макара в спину, потребовал, чтобы быстрее шагал в дом. Директор в своей комнате храпел. Ему рано вставать, в школе в Вольном должен быть первым. Афанасий открыл дверь перед пчеловодом, попросил зайти. Тот спокойно прошуршал к стулу, сел.

– Давай руки хоть развяжем? – предложил Афанасий.

– Чтоб он тебя этими руками задушил? – ухмыльнулся Василий Федорович.

Афанасий достал лист бумаги, перо, чернильницу, положил на стол перед Макаром.

– Писать умеешь?

Пчеловод молча смотрел в одну точку, сидел с прямой спиной.

– Говорю тебе с моих слов записывай! – возмутился председатель. – Я, Помойло Василий Федорович, председатель хуторского совета задержал группу опасных преступников, контру недобитую за сбыт колхозного меда в продовольственный магазин с целью обогащения за счет тайной торговли. Задержанные преступники – приписанный в хуторе колхозник – единоличник Сергеев и прибывшая из городских Евдокия Иванова. Число подпись. Так, написал? Давай закорючку поставлю. Афанасий пододвинул ему лист бумаги.

– Что ж вы страну обворовываете, гниды. Никогда с вами из жопы не вылезем. Будем в темноте сидеть! – кричал на них председатель. – Вам и так все лучшее, альпийские луга в помощь, пчел длиннохоботных кавказских пород, только сдавайте государству по подразверзки. А вы нет, мед к себе в карман льете. Расстреливать нужно вас семьями! Чтоб не плодились!

Макар рванул с места на председателя, но упал вниз лицом. Афанасий его поднял, усадил на стул снова.

– Ладно, Василий Федорович, на танцы не опоздаешь?

– Да какие уже танцы? Лишь бы в кино успеть? Сегодня фильм «Октябрь» крутят. Я тебе завтра расскажу.

Василий Федорович вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Но храп директора продолжался. Этих учителей никакая пушка не разбудит. Вот это нервы. Афанасий вздохнул, показал на кровать.

– Ложись здесь спать! Я на полу лягу. Завтра Волков разберется во всем, не переживай. Он мужик справедливый! Его даже батька любит!

Но Макар махнул отрицательно головой, уставился в одну точку. Так и сидели всю ночь друг против друга молча.

Утром Волков забрал Сергеева с собой. За Дуськой тоже прислали. Увезли обоих в райцентр. Афанасий поскакал следом. Ему нужно было на курсы агрономов. Не знал он тогда, какую штуку с ним сыграет судьба. Но вечером пришел к дому Сергеева, постучал в калитку. Дверь открыла десятилетняя белокурая девочка с длинными косами.

– О, привет, красавица! Точно моей женой будешь!

– Не буду! – надула щеки Машенька. – Ты старый!

Афанасий засмеялся.

– Позови мамку, у меня письмо для нее.

Маша убежала в дом. Послышалась ругань, слышно было, как мать на нее кричит, чтобы никому не открывала калитку, на улице нечего ей делать. Но Афанасий держал письмо на вытянутой руке, просунув ее над калиткой. Собаки бросались с лаем на гостя, широкими лапами стучали по забору. Но Афанасий улыбался, вспоминал огромные глаза девочки и хмурые бровки. Вот ведь уже рождаются с характером. Никто никогда не сможет объяснить почему. На генном уровне девочки накапливают все прелести своих бабушек, прабабушек, тетюшек, в очередной момент рождается это чудо, которое с детства хмурит бровки и дает отпор. «Надо же ты старый!». На генном уровне юноша так же подбирает себе в жены девушку, которую аккумуляли годами его деда и прадеды в своем воображении. Афанасию даже показалось, что видел во сне свою будущую жену. Она была та самая десятилетняя девочка! Понял одно. Его жена точно будет блондинкой, не как Наталья, из – за которой он попал в этот поезд, на эту станцию, на этот хутор. Спасибо маленькой девочке с длинными косами, что помогла ему в выборе будущей жены. Он улыбнулся своим мыслям, вздрогнул, когда из рук у него вытащили свернутый треугольник. Письмо Сергеева жене. Больше Сергеева никто не видел. Говорят, был застрелен при побеге. А его жена поехала на пасеку в горы к его любимым пчелам, попала под ливень, простудилась и умерла. Машенька осталась сиротой. Ее забрал Василий Федорович Помойло с женой. Они переехали жить в дом ее родителей.

Афанасий после курсов агрономов занялся земледелием на научной основе. Склоны гор приходилось осваивать. Он производил террасировку освоенных земель с помощью опорных стен, создаваемых из сухой кладки. Приходилось уводить потоки вод через водосточные каналы. Но он никакой работы не боялся, умел все: печи класть, дамбы строить, землю обрабатывать. Волков радовался, глядя на советскую молодежь, – и разговор поддержать могут и рукастые. Вот кого нужно председателем колхоза делать. Таких как Шаталов. Это не дело, что у директора живет. Хорошо бы ему свой дом построить. А ведь он сможет.

В ходе реформ большая часть лучших земель была отдана офицерам и казачеству, участвовавших в покорении Кавказа. А вот целинные земли отдавались иногородним крестьянам. Афанасий получил новое предложение от Волкова. На этих целинных землях поставить Афанасию дом. Сказал, что место хорошее, от ветров закрываемое. Под скалой. Да и земли новые будут под присмотром. Не зря ты над ними колдуешь, как над детьми малыми. Афанасий действительно применял то переложно – залежную систему земледелия, то подсечную, то паровую. Изучал процент урожайности с гектара. Этому его научили на курсах агрономов. Готовил Волков Афанасия в настоящие председатели. Не нравился ему Василий Федорович Помойло. Комсомольцы впереди партийцев стали идти. И земли у них лучшие и урожай по – научному хороший. И субботники организованнее всех проводят. Нужно поощрять. Пусть строит себе добротных хороший дом, куда можно будет жену привести. Афанасий не поверил, что земля у него будет своя, отмеренная, как положено хуторскому руководству. Обрадовался. Принялся

за дело. Можно как построит жилье маму с братьями забрать, да и отца тоже. Эко они удивятся, что я у начальников уважение имею. Комсомол мне доверили.

Целинные земли в скором времени обрастали новым жилым районом. Афанасий после работы до самой черной ночи капал фундамент. Все смеялись, говорили, – бомбоубежище строит, а не дом. Но он только улыбался. А потом с ущелья таскал огромные камни, булыжники, так по камешку строил новое гнездышко, которое уже полюбил. Когда фундамент был залит. Он встал на него и ахнул. Очень уж маленьким показался ему его новый дом. Локтем все измерил. Нет, вроде все, как нарисовал. Но вид недостроенного дома с высоты фундамента всегда пугает хозяев. Им кажется, что комнаты получаются совсем маленькие. Только после того, как вырастают стены, ты успокаиваешься, но ненадолго, потому что тебя начинает пугать другое. Не слишком ли узкие стены. Афанасий каждый вечер таскал известняк на постройку нового дома. Сам лично ходил собирал навоз, таскал в ведрах глину, саман, чтобы дом был теплым, уютным. Куда с вокзала было бы хотеться идти. Печь сложил сам. По – старинному русскому рецепту пошаговой створки дымохода. Этому еще дед Федор его научил. Хороший жизненный университет прошел Афанасий. Учителя разные попадались. Но всем им спасибо за все.

В скором времени красивый добротный дом стоял под скалой. Огород тоже присутствовал, правда, пришлось столько тележек камней вывезти. Обработать по – научному свою землю. Даже посадил лук чернушку и фасоль. Очень уж он любил ее. Мама всегда готовила по – своему домашнему рецепту. Жаль, не спросил, как она это делала. Но ладно, приедет в новый дом, сварит. Как там братья, отец? Последнее время часто их вспоминаю. Нужно быстрее дом строить, да позвать их жить к себе.

Но Афанасий только успел накрыть крышу, призвали служить в РККА, в Российскую Конно – Колхозную армию к Буденному. Время подошло. Когда уходил, ему навстречу выскочила Машенька из дома. Афанасий поднял ее на руки, подбросил, засмеялся: «Моя будущая жена! Дождешься меня?». Она вновь насупилась и сказала: «Нет! Ты старый!».

Марию часто видели то в одном крестьянском доме, то в другом. Отдавали в работники сиротку, шептались хуторчане. Эксплуатируют детскую силу. НЭП – деньги любит! Как так можно? Начальству все разрешено. Девочку жалко. Она ведь вообще дикая. Хоть и ведьма!

Машенька ходила за скотиной артели в горную местность летом. Осенью приводила овец в низину. Климат был троичный в этих местах. В горах холоднее, в низине теплее, ближе к морю жарко. Осенью стада из горной местности возвращались в равнину, чтобы зимой было чем питаться. Скотоводство носило отгонный характер летом. Блага альпийские луга позволяли накормить скот вдоволь. Зимой подкармливать приходилось в стойле. Содержание овец, коров, коз на подножном корму сочетали попеременно со стойловым содержанием.

На свежем воздухе Машенька похорошела, налилась молоком. Выглядела взрослее, чем ее сверстницы. Грудь налилась, взгляд стал осознанным. Набирала она с собой разных книг в горы. Брала их у директора. Он все так же ходил в кепке и картавил. С Машенькой занимался отдельно по приказу председателя. До чего нравилась ему эта ученица. Толковая, все на ходу делала, на коленке, и задачу решит, и уравнение, и сочинение напишет лучше всех. А хозяйка какая! Загляденье! Такую фасоль сварит, лучком, жареным припарит, не оторваться какая вкусотища. А какая добрая была, все время директора жалела. Старенький, в школе целыми днями, голодный. Прибежит к нему по – соседски, замесит тесто, печь затопит, пирожков напечет. Он в школу с собой возьмет на следующий день, добрым словом Машеньку вспомнит. Ведь сельская интеллигенция, если не напомним, поест забудет, улыбалась Машенька. После стрижки овец получала за свои трудодни шерсти клочок. Дома сядет, напряжет ниток, а когда за скотом пойдет смотреть, носочки теплые для директора свяжет. В общем, взяла Маша директора на поруки. Хотел было Иван Ильич, чтобы Машенька к нему перешла жить. Но председатель так возмутился, орал что директор на ее дом позарился. А он уже занят!

– Что плохо тебе с нами? – закричал Василий Федорович. – На всем готовом живешь. А плакаться к директору бегаешь.

– Я ничего ему не говорила! – оправдывалась Маша.

– За скотиной лучше смотри! А не за директором!

Машенька вздохнула, повернулась к двери, вышла, язык показала. Как они мне надоели вместе с женой. Не пойму, кто у кого квартирует. Но ее мысли будто прочел председатель. Ласково на нее посмотрел, сказал: «Машуля, хочешь отпущу к директору жить, только дом мне подпиши!»

Маша с такой радостью выводила четкие буквы своей рукой, что дарит дом вместе со всем добром Помойло Василию Федоровичу и его семье. Тот даже в райцентр ее отвез, к нотариусу, чтобы печать задокументировали. Смачно поставил под печатью закорючку и выгнал Машеньку в чем была. Она счастливая переехала жить директору. Он заменил ей отца. Пока Афанасия не было, Машеньку поселили в его комнате. Читала «Алые паруса», плакала, мечтала о любви.

Когда Афанасий пришел с армии, удивился, что на хуторе очень мало осталось ухоженных домов. Какая – то разруха, пустота. Не было жизни. Не знал он, что перегибы новой власти жесткий удар нанесла кулачеству. Но это были не только ростовщики, которые деньги давали под огромные проценты, держали бордели, игорные дома в столице. Но и настоящие труженики, как пчеловод Сергеев, как другие жители хутора. После принятия в стране первого пятилетнего плана форсированными темпами прошла коллективизация. Всех загнали в единые колхозы. Нельзя было так ломать село. Каждый регион Российской Федерации получил из центра строгую разрядку – к какому сроку провести полную коллективизацию. Приказано к лету тридцать первого года ее осуществить!

Первыми недовольными, конечно, стали зажиточные крестьяне. Им не нравились в стране низкие государственные закупочные цены, высокие нереальные планы сдачи сельхозпродукции государству. Из – за этого пострадал Сергеев – пчеловод и многие другие зажиточные крестьяне. Но они тоже были разными. Кто – то сам вкалывал, не нанимал людей. Кто – то ничего не делал, только собирал деньги за аренду. Кто – то излишки сдавал государству честно. Перевыполнял продплан. А сейчас им запретили нанимать батраков, сдавать землю в аренду, приняли постановления о конфискации имущества, о выселении за пределы края.

– Чем ты недоволен? Ты теперь, как все! – кричал Василий Федорович на Нюрку из продмага. А ты что думала, дружок твой сдох, а ты будешь жить?

Зажиточные крестьяне лишались права на членство в потребительских кооперативах, даже в получении накопленных на сберкнижках денег, которые они годами собирали. Всех ставили вровень, не разбирали, что многие воевали за Советскую власть, чтобы хорошо жить. Поэтому вернулись домой, поверили в новые возможности, стали много работать, разбогатели. Но не смогли насладиться этим. Не успели понять хорошо это или не очень быть богатым. У них тут же все забрали, накопленное за двенадцать лет советской новой жизни, лишили гражданства, права избирать и быть избранными в Советы.

В мясорубку массовой коллективизации попали все хозяева с большой буквы. Они понимали, что это перегибы местной власти. Но из Москвы пришло указание – репрессии всем, кто подходит под категорию кулак. Оставить в покое только нищих крестьян. А это в основном пьяницы, каторжные, и просто лентяи Оставили в сельском хозяйстве заслуженных работников нищеты! Казалось, они приведут село в порядок. А им это не нужно было. В любые времена существует фиксированный процент людей без определенного места жительства, бродяги, дураки. Как бы их не пытались вытравить из действительности, этот процент вновь появится. Так же, как и появится процент обеспеченных людей. Советская власть расчесала Россию единой гребенкой. Подумала, что с фиксированным процентом будет покончено. Но

что – то пошло не так. Зловещая победа над кулаками, зажиточными крестьянами не принесла удовлетворение, только привела к опустошению, голоду, болезням.

Афанасий заметил, что не кричали радостно петухи на хуторе, не блеяли козы, не мычали коровы. Переселенцы унесли с собой целый мир спокойствия, благополучия, веселья. Люди возмущались, что этим врагам народа разрешалось брать с собой 35 кг. из нажитого добра. Но они бросали дорогую одежду, посуду, брали с собой только молотки, серпы и косы.

– Вот дураки! – возмущались заслуженные работники нищеты. – Они не знали еще, что на сальских скупых землях, эти враги вновь поднимут сельское хозяйство, вновь станут богатыми. Середняки тоже злорадствовали, когда кулаков и зажиточных крестьян забирали. Они не знали, что из – за расширения категории кулаческих дворов, в мясорубку новой жизни полетят следом за ними. Этого новой власти покажется мало, выселять начнут следующими тех, кто занимался торгово – посреднической деятельностью, тех, кто воевал за белых, тех, которых просто оклеветали и церковные люди.

На юге всех неугодных отправляли на восток в самые засушливые районы, создавали новые колхозы – тюрьмы. Но это считалось привилегированным местом по сравнению с районами Сибири и Севера. Посчитали, что кубанских кулаков за Урал будет накладно для государства вести, решили проблему таким образом, – выселяли в безлюдные, безводные Сальские степи Ростовской области, отправляли в заброшенные в голод деревни и села.

Афанасий не сразу понял, что произошло с его любимыми целинными землями. Они поросли бурьяном. Возле его дома стоял целый сад из новых порослей деревьев. Как быстро земля – матушка зарастает лесом, когда за нею не ухаживать. Она приобретает первозданный лик. Быстро разводятся волки, медведи, которые видят в человеке лишь добычу еды. Ведь они настоящие хозяева этой земли.

Афанасий быстрым шагом прошел мимо своего нового дома, зашагал в сторону сельсовета. Василий Федорович Помойло столкнулся с ним на улице, выглядел председатель заросшим, постаревшим. Будто его не мыли неделю. Глаза ввалились, рядом с усами появилась борода. Он сообщил, что больше не числится председателем. Сказали, что перегнул палку с выселкой кулацкого сословия. Сам чуть с этим домом Сергеевых в кулаки не попал. Возмущался, что решили наказать, забыли, что конюхом был. Рассказал, что Волкова перевели в Москву, после этого все пошло к чертям собачьим плохо. Плакал, что дом отобрали под Клуб. Ему вернули старую хату. Отругали, что позарился на дом Сергеева, который давно сдох, но до сих пор мстит ему.

Делясь новостями, Василий Федорович на Афанасия смотрел теперь так же, как раньше смотрел на Волкова, – заискивающе – ласково. Афанасий постучал ему по плечу. Согласился, что незаслуженно обидели бывшего председателя. Хорошо, что не посадили. Но это Василия Федоровича мало утешило. Он возмутился, что председателя до сих пор не назначили. Именно директор дела хутора ведет, ему печать передали. А какой из него председатель? Интеллигенция вшивая! Кого будут назначать? Остались одни пьяницы на хуторе, да калеки с комсомольцами. Афанасий старался разузнать, кто из его активистов не пострадал. Сообщили, что все пришлые на месте, только местных поубавилось. Один директор остался. Афанасий направился в дом директора. Когда зашел, учуял запах домашней еды. На столе стоял чугунок с фасолью, пережаренной с луком.

– Как у мамы, – закричал Афанасий!

На пороге появился Иван Ильич. Он не сразу узнал крепкого широкоплечего мужчину, на котором ладно сидел красивый новый мундир офицера младшего состава. Директор по – отцовски обнял Афанасия, всплакнул, усадил за стол, налил полагающейся стакан приписки к хутору, наложил ему фасоли в тарелку. Дымком зашласть сытная закуска. От нее никогда не опьянеешь. Вместо мяса белок в тело поставляла. В голодные времена деликатесом считалась. А когда с лучком поджаришь на сковородке, наложишь полную тарелку блестящей радости,

слюнки сами льются. Афанасий зачерпнул ложку богатой пищи, в рот засунул, глаза от удовольствия закатил.

– Сами фасоль варили?

– Нет, Машенька.

– Какая Машенька? – удивился Афанасий.

Услышав свое имя, Маша поспешила к директору. Когда зашла, зарделась, увидела красивого офицера, кивнула головой, хотела выйти. Но директор попросил остаться. Афанасий сидел с открытым ртом, такую красотку сроду не видел. Перед ним стоял Ангел. Косы вокруг головы закручены, как нимф, длинная юбка в пол и белоснежная рубашка с воротничком – стоечкой в рюшечку совсем его смутили. Пуговицы не были расстегнуты на декольте, все как одна до самого подбородка в ряд выстроились. Только грудь девичья поднималась, опускалась, когда она дышала. Машенька заметила взгляд, скрестила руки на груди, подняла голову.

– Кто этот ангел? – удивился комсорг. Вернее, парторг. Его досрочно приняли в партию, еще до службы в РККА.

– Как же ты не узнаешь? Это Машенька Сергеева.

Глава 8

– О, невеста, дождалась все – таки? – улыбнулся Афанасий.

Маша улыбнулась, покраснела, кивнула головой.

– Слушай, кровать тебе поставим в моей комнате. Твою я Машке отдал, хорошо? – спросил Иван Ильич.

– Не вопрос. Я в свой дом перееду скоро, только побелю внутри. А так смотрю, окна целы, пацаны не побили.

– Так я же за ним присматривал, – улыбнулся Иван Ильич. – Не переживай, можешь оставаться у меня сколько хочешь.

– Спасибо большое! – улыбнулся Афанасий. – Я ненадолго.

При этих словах, Машенька сжалась, плюхнулась на стул, который ей пододвинул директор.

– Никак в район решил податься, как все? – вздохнул Иван Ильич.

– Пока не знаю, приглашают, дали время на размышления.

Афанасию предложили возглавить горком комсомола. Он не стал хвастаться этим при Маше. Но ему было приятно, что Волков не забывает про него. Он понял с чьей подачи выдвинули его кандидатуру. Но в данный момент он не мог думать ни о чем. Он все время смотрел на Машу, которая опускала глаза, когда он ей подмигивал.

Иван Ильич налил мутной жидкости по полному стакану. Все равно ведь завтра выходной. Расспрашивал про армию, про Буденного. Афанасий невпопад отвечал, Мария накладывала ему фасоли побольше. Ведь он видно привык на офицерских пайках выживать. А здесь фасоль – силы соль!

– Фасоль у тебя вкусная, Машенька, откуда рецепт знаешь? Моя мама так же готовила.

– И моя, – тихо произнесла Маша, опустив голову.

Очень уж Афанасию хотелось смотреть в эти зеленые глаза. Долго смотреть, утонуть в них поглубже. Чтобы она не опускала взгляд так часто, чтобы смог рассмотреть каждую искорку в глазах, не отрываясь. Афанасий сам не понял, что с ним происходит: мелкая дрожь бьет в ноги, пятки дробь отбивают, никогда этого не делал. Что за нервная чечетка? В горле пересохло, будто терна наелся, слова застревают. Он мычит, либо кивает, соглашаясь с рассуждениями директора. Но сам его совершенно не слышит. Только ловит взгляд зеленых глаз. Ух, и правда, ведьма. Маленькая. А такая красивая! Сколько же ей годков? Пятнадцать, шестнадцать? А уже невеста! Что это со мной не пойму. Вроде бы не обделен женским вниманием. А здесь робею, как пацан при первом поцелуе. Была бы она, как Наталья шустрая. Взяла бы да поцеловала сама. От этой мысли у Афанасия закружилась голова. Он закурил, чтобы не выдавать себя, положил ногу на ногу, выпустил кольца одно за другим.

– В понедельник соберу собрание, есть у меня одна мыслишка! – услышал Афанасий издалека голос директора.

Он вновь налил стакан самогона.

– Нет, мне хватит! Спасибо! На воздух хочу, по деревне пройтись. Отпустите со мной Машеньку?

– Конечно, пусть экскурсию проведет по современному хутору. Лучше нее здесь никто не ориентируется, – прокартавил Иван Ильич, достал часы на цепочке из потайного кармана. Точно Ленин! Афанасий улыбнулся, встал из – за стола, протянул Маше руку. Она недоверчиво за нее взялась. Так они вдвоем и вышли на улицу.

Когда шли по деревне, все шушукались, смеялись. Девушки пышногрудые подбегали к Афанасию, обнимали его радостно, поздравляли с возвращением, даже пытались поцеловать. Он нехотя принимал поздравления.

Хутор обрадовался его приезду. Парни подходили, жали руку двумя ладонями в знак уважения. Старики махали, приветствовали. Он им кланялся. Все помнили комсомольского вожака Афанасия Шаталова. Который многим на хуторе помог. Кому крышу починить, кому коня подковать, кому печь сложить. На все руки был мастер. А теперь двадцатидевятилетний офицер идет по хутору всем невестам на загляденье. Только зачем с ним эта ведьма идет? Не любили Машу местные. За то, что молчаливая, все больше бочком от всех держалась, будто брезговала. Какая – то чужая была, не похожа на деревенскую: кожа беленая, кровь говорят в ней текла синяя, как чернила. Не зря вся семья сгинула. Только она осталась. Нужно ей тоже устроить экзекуцию, сжечь на костре. Спасать нашего комсорга нужно. Пропадет парень с нею.

– Афанасий, придешь на танцы? – крикнула вдогонку Любка – секретарша. Она у директора работала в хуторском совете.

Афанасий посмотрел на Машу, засмеялся, по лицу понял, что хочется ей на танцы. Но по какой – то причине она туда не ходит? Все же дом родной, хоть и бывший.

– Приду, что ж не прийти со всеми повидаться.

Он сильнее прижал Машину руку к себе, дал понять, что с нею пойдет. Маша улыбнулась, впервые близко посмотрела ему в глаза. Она не увидела зрачков, испугалась. До такой степени у него были темные глаза. Уголь, а не цвет. Маша даже зажмурилась. До чего красивые. Разрез глаз, как у девушек с накрашенными стрелками. Ресницы загнутые длинные, будто наклеенные. Красивый какой Афанасий Сергеевич. Маша его только так называла. По –отчеству, как старшего товарища. А на танцы ей давно хотелось. Но она знала, что девушки на хуторе ее недолюбливали. Может быть, боялись, что заколдует. Может быть, просто завидовали. Может, не нравилась. А ведь никогда не с кем не сплетничала. Всегда молчала, когда ругали, не оправдывалась, не защищалась. Под клубом со стороны сада всегда стояла по вечерам. Ведь это все – таки дом родной. Ей очень хотелось туда попасть и в тоже время было страшно увидеть, что с ним случилось.

– Ну что, идем на танцы, невеста? – улыбнулся Афанасий.

Маша махнула головой, впервые улыбнулась, глядя Афанасию в глаза. От этого Афанасий почему – то схватил Машу на руки, закружил, она в голос рассмеялась. Даже не заметила, что он привел ее к своему дому под скалой. Когда опустил, близко прижался. Маша не отстранилась, подняла глаза, они долго стояла молча, рассматривая друг друга. Первым очнулся Афанасий, он показал на дом.

– Тебе нравится? – спросил он.

– Да, хороший, по – хозяйски сложенный, – похвалила Маша, поднимая большой палец руки вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.